

● СМЕНА В РЯДУ СМЕН

НА РАЗДЕЛКЕ ЛОМА

За месяц до начала ремонта на домне № 10 комприводы начали заготавливать передельный чугун и чугуны лом. Знали: потребуется он в больших количествах. И вот сегодня, на сменно-встречном собрании начальник смены С. Спириин еще раз напомнил, что в связи с ремонтом домновой печи № 10 первому мартеновскому цеху необходимо отпраздновать в каждом составе десять мундштуков, из них — половину чушковых.

Здорово сработали в последнюю смену. Сталеplавильщики получили четырнадцать мундштуков состава с ломом. И доминантная загрузка каждого состава отличная, и отпраздновали 500 тонн лома сверх задания. В хорошем настроении расходятся люди по своим местам.

Пожалуй, первым назначается работу ударник коммунистического труда, машинист крана М. Газалов. За 33 года работы в одном цехе он достиг такого профессионального мастерства, что трудно назвать машиниста, способного обогнать его в деле. Четко перебирающая контроллеры из одного положения в другое, он внимательно наблюдает за электромашинистом. Его задача — как можно быстрее подать слитки газорезкам, обеспечить им фронт работы. Прошло всего полчаса, и газорезчики приступают к разделке слитков, а М. Газалов уже загружает мундштуком.

Врезается в слиток ослепительный «нож» огнерезной машины. Внимательно наблюдает за процессом газорезчик Х. Салахов. Рядом с ним работает Р. Зайнапов. Он ударник коммунистического труда. У него с Жайдаром давнее негласное соперничество. Сегодня Р. Зайнапов немного отстаёт — такое случается, но ему не привыкать перевыполнять дневные нормы.

И на третьей колоннаде работа в полном разгаре. Ударник коммунистического труда, машинист крана М. Нежлодова и ее напарница Е. Саламатова успевают и вагоны разгружать, и обеспечивать резачиков негабитрированным металлом.

Телефонный звонок. Диспетчер мартеновских цехов В. Чумаков сообщает, что первому мартену нужно по-

дать мундштуковый состав с повышенной загрузкой чугуном. Это как раз то, о чем напоминал упрям начальник смены. Оперативно работает А. Ярыгин, машинист железнодорожного дизельного крана. А. Ярыгин — ударник коммунистического труда. Два десятилетия работает он в цехе. Опытный машинист быстро подает вагон с чугуном на колоннаду для дозировки мундштукового состава и опять продолжает загрузку вагонов местного парка для шихтового двора. Вместе с А. Ярыгиным уверенно действует стропальщик В. Сторожев.

Посмотришь на их работу — залобуешься: насколько слаженны их действия, насколько велико стремление погрузить как можно больше металла. По ударному трудулились они, заготавливая мундштуки для десятой домны, и сейчас успешно справляются с заданием. Старается не отстать от своих товарищей В. Сторожев, молодой стропальщик. Он только борется за звание ударника коммунистического труда, но нет никаких сомнений, что он его завоеует.

Успешно осваивает работу нового пакетиру-пресса машинист А. Макаров. Сегодня здесь работают ремонтники: пресс остановлен на профилактику. А Макаров тоже участвует в профилактических работах. Он несколько не огорчен: любая машина нуждается в уходе, а упущенное можно наверстать. Сомневаться в этом не приходится. Опытный машинист ежедневно перевыполняет норму на 15—20 процентов.

Когда была остановлена на реконструкцию мартеновская печь № 18, потребовались опытные специалисты для производства огневых работ. Выбор пал на рабочих первой бригады копрового цеха № 2. И газорезчики Х. Салахов, Ю. Кузнецов, Р. Зайнапов и Р. Алтикеев под руководством А. Ярыгина не подвели: они досрочно выполнили работы при разборке металлических конструкций печи, проявили оперативность при разделке «козлов».

...До конца смены еще далеко. Но все уверены: сменная норма будет перевыполнена.

Ю. БАЛАБАНОВ.

Партбюро и комсомол

На днях в цехе горного транспорта состоялось заседание партийного бюро, на котором был заслушан отчет секретаря комсомольской организации Х. М. Хузина о работе цехового бюро ВЛКСМ.

Х. М. Хузин рассказал о том, что делает комсомольское бюро, чтобы повысить активность комсомольцев. В последние месяцы регулярно стали проводиться комсомольские собрания, улучшилась их посещаемость. Активнее стали работать члены комсомольского бюро. Не всегда в цехе своевременно отчитывались по вэносам, но в мае, например, в комсомольской организации не осталось ни одного задолжника.

В то же время партийное бюро отметило в работе бюро ВЛКСМ некоторые недостатки. Так, например, оно рекомендовало комсомольскому бюро улучшить подготовку и проведение собраний, строже спрашивать с нарушителей трудовой и общественной дисциплины. Партийное бюро предложило до 1 августа провести среди комсомольцев и молодежи работу, чтобы те, кто не имеет среднего образования, пошли учиться. На заседании было принято решение обязать партгруппиров уделить контроль за работой группкомсоргов. Партийное бюро постановило: за каждым комсомольцем закрепить шефа из коммунистов или инженерно-технических работников. Решено также в июле провести партийное собрание с повесткой: «Задачи партийной организации по улучшению воспитания молодежи в свете доклада Л. И. Брежнева на XVII съезде ВЛКСМ».

Е. ВЕРНИКОВ.

Комсомольско-молодежный коллектив тридцать пятого двухканального сталеплавильного агрегата, обязанный выплавить один миллион тонн стали к 55-й годовщине рождения комсомола, успешно несет трудовую вахту.

НА СНИМКЕ: один из труженников коллектива, подручный сталелавара комсомолец Борис ЛЕДНЕВ.

Фото Н. Нестеренко.

ПЕРЕДОВИКИ ПЯТИЛЕТКИ

Гарантия на 6 лет

Несобытия, о чем и было сказано, прошло рабочее собрание в электромеханическом цехе. В обсуждении инициативы обжимщиков по наведению образцового порядка на комбинате и призыва коллективов цехов по ремонту металлургического оборудования проводить ремонт с гарантией приняла участие практически все трудящиеся цеха. Токарь Г. Бузунов, слесарь В. Лебедев и многие другие заявили о своей готовности безвозмездно отработать по 8 часов на уборке цеховой территории.

На этом же собрании электрослесарь А. Торпов призвал переосмотреть пункты социалистических обязательств о продлении сроков гарантии ремонта электрических машин. Труженники цеха единодушно решили довести этот срок до шести лет.

Л. ЧЕМЕЗОВА, начальник ВОТиЗ электромеханического цеха.

Александр Авдеевко Броня магнитки

Документальная повесть

Борис Ефимович вынужден был сдать на волю Козинцева.

— Извините, Дмитрий Дементьевич. Рассказывайте, как считаете нужным.

— Считаю, что надо изложить всю историю буквоки в буквоку, так, чтобы она была правдивой. Стыдно придумывать небывшие и раскрашивать себя.

— Еще раз извините. Как дело было дальше?

— Прямо по той поговорке пошло: «Не было бы счастья, так несчастье помогло».

Минуло четыре часа. Нагрелись мои слитки. Можно их доставать, класть на рольганговый конвейер и подавать в блюминг для прокатки. Но не тут-то было. Не готов блюминг к работе.

Что-то там у них случилось. Какая-то авария. Вот какой сюрприз преподнесли нам, оварщикам, наши друзья и побратимы прокатчики. Что нам было делать? Побегал я вокруг колодца, накручивая сволоку, подпрыгивая, а потом стал искать выход из безвыходного положения. И нашел без труда. Да еще самый простейший. И он был, как оказалось впоследствии, единственно правильным и счастливым для брони Магнитки. Что я сделал? Отключил газ, который до этого поступал в нагревательный колодец. Горение в ячейках прекратилось, но температура там оставалась высокая — 1350 градусов. Для того, чтобы ее малость обить, охладить металл, не дать ему сгореть, я выключил вентилятор и в течение пяти минут напелтал в камеру через генератор подогретый воздух.

Кубометров двести-шестьдесят израсходовал. Охотился за одним зайцем, а убил сразу двух. Какая у меня была цель? Я хотел охладить слитки, не вынимая их из камер. И я своего добился. Но воздух сделал и дополнительное, якобы боковое дело: он ошугил оксидную и сделал ее хрупкой. Она, оксидная, хорошо держалась на поверхности до поры до времени: в колодце, обвешанная крановыми клещами, на рольгангах. Но как только слиток попадал в валки блюминга, она моментально отлетала и металл делался чистым. Для удаления оксиды не требовалось, как на специальных броневых станках, ни соленой воды, ни березовых веников. После прокатки броневой лист не нуждался в наждачной зачистке.

И военпред Бирюков, и начальник блюминга Савельев, и директор комбината, и все, кто рассматривал зеркальный семиметровой длины лист, удивлялись, спрашивали: — Козинцев, как это тебе удалось избавиться от оксиды? — Врать я не умею. Возвращаться на ходулях не люблю. Чистую правду выложил: — Случайно так получилось.

Не поверили. Расхохотались. Ладно. Разубеждать в тот раз я их не стал. Найду более удобное спокойное время. Но я уже рассказываю не по порядку, далеко вперед забежал. — Ничего, ничего, Дмитрий Дементьевич! Все было хорошо. Вы устали. Хотите, пожалуй, на сегодня.

(Продолжение. Начало в №№ 58—67).

Борис Ефимович выключил диктофон, отодвинул его в сторону и достал из портфеля бутылку армянского коньяка и четыре свеженьких лимона.

— А теперь, если не возражаете, Дмитрий Дементьевич, мы выпьем за ваше здоровье, за здоровье Ефросиньи Ивановны, Валентины и Нины.

Лицо Козинцева просияло.

— Опередили вы меня. Я только что хотел выставить домашнюю настойку, омординовую. Ох и хороша, милая!

И начался пир. Без меня, конечно.

Вот как закончилось наше первое хождение на Суворовскую.

Наступил третий день моего знакомства с Борисом Ефимовичем и третий день наших исторических хождений или раскопок старинной, которая для меня, повторю, дорожка всякой новины. Подкатил я утром на площадь Первой пятилетки, поставил машину под деревьями и направился в гостиницу, в сто семьдесят шестой. Режиссер и сценарист уже был, как штык. На этот раз мне не пришлось его спрашивать, как он опал. Сам об этом заговорил.

— Представьте, Егор Иванович, я опять всю ночь с Рыженко разговаривал.

— Ну, а сегодня о чем вы толковали?

— О многом. В частности, и о вас. Николай Андреевич меня строго предупредил: ты, говорит, потряси как следует Егора, и он такое тебе порасскажет.

— Ишь ты какой ваш Николай вумный. На чужом горбу в рай хочет въехать. Это на него не похоже. Не мог он вам этого сказать. Плохо придумали. Правду выкладываете.

— Правду так правду. Николай Андреевич настоятельно просил меня вести розыск броневых героев до седьмого колена и справедливо. Ни один человек, сказал он, не должен быть забыт. Стыдно мне, сказал Николай Андреевич, читать в Истории Отечественной войны на странице 152 такие строки:

«...Группа инженеров комбината под руководством заместителя главного механика комбината Н. А. Рыженко впервые в металлургии разработала и внедрила в производство прокат листов броневой стали на гигантском обжимном стане «блюминге». Стыдно перед товарищами, друзьями, соратниками. Названа только одна его фамилия, хотя работали все здорово. Если бы не эта группа, оказал с горечью Рыженко, то я бы ничегошеньки один не сделал. И без прокатчиков тоже оказался бы на мели. Нельзя, говорит Рыженко, моей фигурой закрывать всех. Каждый был героем. Каждого надо назвать по фамилии, имени, отчеству. О каждом надо рассказать, откуда он, как рос, что делал в исторический день 28 июля».

Молчать мне было неудобно, и я сказал первые же слова, какие запросились на язык.

— В историю всех и каждого, Борис Ефимович, к сожалению, не вписнешь — ложится она по швам.

— Историю делает народ, Егор Иванович. Вы это лучше меня знаете. И она, исто-

рия, должна быть историей народа, а не отдельными личностей. Это тоже не мои слова, а Рыженко.

— Смотрите, как разговаривал молчун и тихоня! Вот это действительно его жизненная позиция. Здорово похоже на правду. Герои Соцтруда, лауреату самых высших премий можно так говорить без всякого зазрения совести. Не себя влихивает в историю, а тех, кто этого достоин.

Борис Ефимович хитро посмотрел на меня, усмехнулся.

— Ну, а теперь я вам скажу самую чистую, самую правдивую правду. Валаялся, валаялся я на кровати да взял и позвонил Николаю Андреевичу в Москву. Сразу соединили. Слышимость была отличная. Начал разговор так: говорит Магнитка, центральная заводская гостиница, номер сто семьдесят шестой, тот самый, где теперь прикреплена мраморная доска с золотыми буквами: «Здесь жил и творил гениальный механик Николай Андреевич Рыженко».

Я расхохотался.

— Ну, он что вам в ответ?

— То же самое сделал, что и вы сейчас — расхохотался и спросил: «И чего же ты хочешь от меня, дорогой сто семьдесят шестой? И колыбель великого человека ответила ему так: «Повидать тебя хочу. Ощутить твой железно-масляный запах. Послушать, как ты мечтаешь вслух по ночам, как бормочешь во сне. Больше ничего мне от тебя не надо. Приезжай, Коленька».

— Ну и что, сжалился он над сто семьдесят шестым?

— Куда там! Занят, говорит, по горло. Прикован к главку. В девять утра — вызывает министр Казанец. В десять — заместитель министра Борисов. В одиннадцать — другой заместитель, Воронов, в двенадцать — третий заместитель Лихорядов, в час звонит Дебальцево, в два — Донеж, в три — вваливаются неожиданные командированные с неотложными делами.

— И это правда. Рыженко всегда такой был. Минуты свободной не имел. Всегда что-нибудь делал. Ну, ладно. Пора нам ехать на свидание с Василием Егорычем.

— Это кто?

— Спиридонов. Главный оператор блюминга. Главный, после Рыженко, виновник всего торжества 28 июля тысяча девятьсот сорок первого. В тот день на его долю достались и торжества и беды.

— Какие беды?

— Он вам сам все расскажет, если окажется в настроении. Мужик с морвом. Особого подхода требует. Имейте в виду.

Поехали. Теперь не через южный переход попали на правый берег, а через центральный. Пусть Борис Ефимович с другой точки полюбуется и нашим морем, и заводом, и городом. Не зря я старался. Все как надо увидел, почувствовал. Сказал со вздохом:

— Вы знаете, Егор Иванович, я уже успел влюбиться в Магнитку. Чем-то она мне стала по душе. Ясно чем. Не именем же одним, конечно, а тем, что в нем, — содержанием. Все, дорогой мой, а не влюбляются, у кого живое сердце.